

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**СКРОМНАЯ
ЖЕРТВА**

Москва

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**СКРОМНАЯ
ЖЕРТВА**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Художественное оформление серии *В. Щербакова*
Иллюстрация на переплете *И. Варавина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Скромная жертва / Николай Леонов, Алексей Макеев. —
Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-04-215109-5

Полковники МВД Гуров и Крячко направляются в небольшой волжский город поделиться опытом на курсах повышения квалификации следователей. Однако планы командировки изменились в первый же день. Столичные гости вынуждены подключиться к расследованию только что совершенного убийства. Жертвой оказалась тихая и скромная сотрудница музея, искусствовед Маргарита Свалова. Но как выяснилось, у нее была тайная тяга к богемной жизни. Это обстоятельство заинтересовало Гурова. Подробности скрытой стороны жизни Маргариты впоследствии позволили московским оперативникам правильно оценить странное происшествие, случившееся вскоре после первого убийства...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215109-5

© Макеев А.В., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Скромная жертва

ПОВЕСТЬ

Пролог

Жизнь не неслась перед глазами. Небеса не разверзлись. Духи предков не встали стеной, и живые не держали ее руку в теплых ладонях, чтобы она без страха покинула полюбившийся, но неуютный мир.

После удара ножом ее собственная рука наивно прижалась к горлу, как при спазме в дни длинных каникул, когда экскурсии шли конвейером и приходилось без конца перекрикивать стоявший в залах галереи крик. Лозы винограда в зеленой беседке сплетались, как змеи, над головой, когда она попыталась позвать на помощь. Вместо крика откуда-то снизу, из живота, в гортань попал последний, с привкусом крови, воздух. Пленки голосовых связок заколыхались в гортани тяжело, как разрезанный целлофан в дверном проеме магазина «Продукты» в ее родном селе.

У кого как, а порог ее смерти оказался у припертой обломком кирпича двери из детства. И слова убийцы, который обшаривал ее карманы, кошелек, сумку, тонули в монотонном, неотвратимом жужжании хрящей вентилятора, плывших в горячем воздухе и колыхавших ядовитую ленту от мух, подвешенную к пыльному плафону под потолком.

Насекомые отчаянно или вяло сучили лапками, силясь вырваться из обманчивого медового месива. Ее ноги в ботинках на низком каблуке тряслись в конвульсиях. И смертоносный листок с мухами, а не виноградные лозы, качался над ней, как уже чужой земной шар, населенный миллионами постепенно умирающих тел.

Вот сквозь целлофан она протискивается в нищий торговый зал. Мнется у прилавка с пакетом слипшихся на жаре «Раковых шеек». Тошная. В давно коротком красном платье в горошек. Вечно стыдящаяся себя. Семилетняя.

— Че ты пялишься? Денег все равно только на хлеб у бабки твоей!..

Продавщица — хамка, но бабуля жалеет ее. Непутевую. Полупропашую. Ехидную. Жадную.

Людка люто ненавидит всех, потому что знает, что истлевет в этом магазине, как дощатые полы, разошедшиеся рамы в окнах, покрашенные голубой подъездной краской стены. Кажется, вырвешься поступать в город — и больше ее не встретишь. Людка рухнет с этим домом, как в преисподнюю, в потрескавшуюся степную землю, а тебя ждет яркая, как обложка октябрьского «Советского экрана» с Ольгой Соловей, жизнь.

А ведь нет. Детство в мухах — и смерть в муках.

Попросить, чтобы похоронили у часовни, с бабушкой, некого. До последней воли невольника никому нет дела.

Только бы не похоронили у часовни на краю обрыва, рядом со спившейся продавщицей! Говорят, ей на могилу счесть из заколоченного магазина подбросили. Теперь их лаковые костяшки гниют с ней, как желто-коричневые зубы. И ни тебе оградки, ни памятника, ни цветов.

Покидая беседку, убийца задел бутылку из коричневого стекла с бугельной пробкой. По пятницам туда наливался глинтвейн с лавровым листом и анисом, из домашнего вина, для вечерних посиделок на бревенчатой веранде уютного соседского дома в банный день. Не будет больше его сладковато-пряного вкуса у нее во рту. Не услышать отныне грозного шипения воды, выплеснутой из ковши на горячие угли. Не увидеть, как тлеет, подобно углю в печи, последний ночник на тонущей в ночной черноте веранде, и та кажется кораблем, плывущим под неспешный, полусонный разговор в вечность.

Она из последних сил дотянулась до осколка и сжала его в слабеющей руке. Колокольчик на калитке зазвенел, проводив убийцу. И тот не вздрогнул от содеянного.

«Жизнь в мухах — смерть в муках». Эта мысль оказалась такой горькой, что захотелось умереть поскорее. Надо же. Откровение, что отчаяние может стать исцеляющим, напоследок. Даже боль стихла. Тело умерло, а душа наконец хоть в чем-то совпала с планами судьбы на ее счет. В смерти.

Запах привезенного Крячко лимонника залил огромный кабинет Орлова, и начальник, поборов кашель, с благодарностью взглянул на полковника:

— Дорогой ты мой человек! Наталье твоей мой пламенный привет, низжайший поклон, пожелания дальнейших творческих успехов!

Но, едва успев откусить отрезанный секретаршей Верочкой пирог, он опять закашлялся, и облегчение в его глазах уступило место прежней мольбе, обращенной к Гурову.

— Лев Иванович, сжальтесь! — Верочка молниеносно обложила начальника кружкой липового чая, вазочкой малинового варенья, банкой меда и упаковкой «Стрепсилса». — Съездите, пожалуйста, вместо Петра Николаевича в Маркс и прочитайте студентам этот несчастный курс!

— В Энгельс, — простонал Орлов, шумно втянув глоток чая. — Маркс тоже в той области, но рядом.

— Да какая разница, — всплеснула руками Верочка, — на чем эти шоколадки специализируются?!

Неизменно одетая как офисная сирена, она всем видом транслировала, что надо соглашаться, когда такая красавица просит. И любой, включая Крячко, Орлова и всю контуру, согласился бы, но только не полковник Лев Гуров.

— Я в сыске не педагог, а практик, Верочка, — буркнул он, поймав насмешливый взгляд Крячко, с уверенностью дельфийского оракула говоривший: «Пакуй чемоданы!»

— Да там элита областного сыска, — обрел голос Орлов, — лучшие следователи области! У всех раскрываемость высокая...

Гуров и Крячко закатили глаза. Без того сердитый Орлов нахмурился:

— Раскрываемость не фиктивная! Не какие-то палки нарисованные! У ребят рвение, чуйка, креативный подход. Хотят перенять наш опыт, пообщаться с коллегами, узнать, как формируем команды, каких специалистов привлекаем со стороны. Там еще пара экспертов на курсе, кстати.

Он почти жалостливо посмотрел на подчиненных. Сезонный грипп побеждал его каждый год, и в такие весенние дни Петр Николаевич становился трогательно несчастным, как Карабас Барабас:

— Мы ж не вечные. Опыт передать надо...

Его голос звучал так хрипло, что даже не склонный к сантиментам Гуров сжалился. Но продолжал упорствовать, не смотря на легкий стыд за свое детское упрямство. Осенняя командировка в Саратовскую область принесла ему встречу с маньяком-интеллектуалом и, как всегда бывает при расследовании серийных преступлений, с убитыми горем родными жертв. Теми, о ком почти не говорят в криминальных передачах, о ком сразу после интервью забывают журналисты и не хотят знать зрители.

Годы работы в органах научили его стойко переносить все, кроме детских трупов и родителей, потерявших сыновей и дочерей. Здесь, в Москве, ему было легче, потому что дома его ждала любимая жена Мария. Утонченная и нежная, как Офелия с картины Джона Милле, она могла успокоить его, просто сидя всю ночь напролет в кухне напротив, пока Гуров пил ледяное темное пиво с бутербродами из черного хлеба с тонко нарезанными фермерским сыром и малосольными огурчиками. С ней эти часы, полные глубокой печали и сострадания, оседали в памяти Льва Ивановича мгновениями, из которых складывалась их безмятежная, тихая, непонятная ни коллегам Гурова, ни эксцентричной, взбалмошной театральной богеме, к которой принадлежала Мария, жизнь.

— Господи, там три лекции! Даже вы справитесь! — не сдавалась Верочка, непреклонно пододвигая к покрытому испариной, отчаявшемуся Орлову варенье. — И потом, вы, Лев Иванович, в кои-то веки доброе дело сделаете. Что вам совсем, мягко говоря, — она с похожим на поминальный звоном чайной ложки помешала варенье, — мягко говоря, хоть и зря, не свойственно...

Крячко расхохотался.

— Подумай о карме, Лев! И, — он бросил опасливый взгляд на секретаршу босса, — не буди в Вере тигра.

Та метнула на него гневный взгляд, но, увидев, как Орлов вновь зашелся в кашле, вернулась к прежней цели наступления — Гурову.

— По вам видно, что в отпуске веками не бываете, а тут Волга! Или что там у них в Саратовском крае.

Крячко захохотал.

— Вера, области!

— Да хоть автономном округе! — вспылила та. — Лев Иваныч вон тоже всем грубит!..

— Верочка! — слабо запротестовал Орлов.

— Да у нас что ни день, то звонок, что Лев Иванович кому-нибудь на месте происшествия или на совещании нахамил! У вас же люди, — она повернулась к Гурову, держа приготовленный для Орлова бумажный носовой платок, как знамя, — должны быть, как роботы! Робот-полицейский — ваш идеал!

— А что? — оживился Крячко. — Хороший фильм!

— А уже и фильм сняли? — замерла в недоумении Верочка и, схватив телефон, начала гуглить.

— Она еще тогда не родилась, — тихо пояснил товарищу Гуров.

— Фильм тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года? — прочла Верочка. — Seriously?!

— Великий же фильм! — не унимался Крячко.

— Вот только за это, — негодовала Верочка, — можно в Саратов ссылать! В деревню, к тетке... Как там у Пушкина?

— Испанский стыд! — пробурчал Крячко.

— По-моему, не в рифму, — нахмурилась Верочка.

— Испанский стыд от того, что «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов», — пояснил Гуров, — это Грибоедов!

— А, ну ладно! — легко капитулировала Верочка. — Я в любом случае за классику своего поколения. С людьми не общались давно — с повышения квалификации. Не ехать же человеку с ангиной! А то у Петра Николаевича с утра глаза как у кота Шрека...

— И сам я зеленый, как Шрек, — тоскливо положив пастилку от кашля в рот, вздохнул Орлов. Вид его и правда от цветущего был весьма и весьма далек.

— А я, значит, как осел? — ухмыльнулся Гуров. — Ну правда же! Какой из меня лектор, если на курсах повышения квалификации сам сто лет не был?

— И я, — поддержал Крячко. — Могу освоить что-нибудь в Сочи. Или в Крыму...

— Ссылку. Каторгу. Тюрьму? — оживился Орлов.

— Да что все цитируют? — Верочка снова схватилась за телефон.

— Давайте, — Гуров указал на нее глазами, — без классики.

— Давайте без давайте! — взорвался Орлов. — А то прибедняются оба тут! Один — практик, второй — турист!

Верочка посмотрела на начальника с восхищением.

Орлов погрозил кулаком, скрывшись за дымящейся чаем кружкой.

— Так лекарство не подействует! — взмолилась Верочка.

— Ты, Станислав, я гляжу, забыл, как вы с Гуровым ездили на стажировку во вражескую Академию ФБР на базе американских морских пехотинцев в Куантико, штат Вирджиния, будь он неладен! За государственный счет, между прочим! Чтобы научиться мыслить как преступник и серийных убийц ловить.

— Ну... — развел руками Крячко.

— Ну, Остряка саратовского, Лев, это помогло словить?

Гуров кивнул:

— Частично.

— Чего это частично? — съязвил Орлов. — Вон он, целехонький, в «Черном дельфине» сидит.

— Слава богу, — перекрестилась Верочка.

— Вот! — Орлов указал на нее ложкой меда. — Простой народ благодарен! А вы не хотите делиться опытом.

— Народ безмолвствует. От деспотизма руководителя, — укорил Гуров.

— Деспотизма! — Орлов стал, как Карлсон, пить варенье. — Май, Волга, турбаза на пляже!..

— В Энгельсе, — напомнил Гуров.

— И в этом смысл! — Орлов чихнул и многозначительно поднял палец. — Коллеги со всей области съедутся узнать, как ловили маньяка, который убивал девушек из их родных

городов: Саратова, Петровска... Им даже лучше узнать про это все из первых рук.

— Из первых рук — это от Остряка, — мрачно заметил Гуров. — И руки эти по локоть в крови...

— Вот ты и отними у мерзавца звездный час! Хватит уже этим нелюдям во всех СМИ звездить!.. А то вся страна про интервью со скопинским маньяком говорит!.. — Орлов блаженно глотнул чай, откусив уголок лимонника. — Счастье! Наталья твоя, Крячко, волшебница! Что хочешь, кроме санатория в Крыму, конечно, в награду проси!

— Тогда отправьте и меня в Энгельс, — примирительно сказал Крячко. — Чему быть, того не миновать.

— Безумству храбрых... — хмыкнул Гуров.

— Слова не мальчика, но мужа! — Верочка бросила укоризненный взгляд в его сторону

— Я поделюсь с коллегами заграничным опытом, — продолжал Крячко, — а Лев блеснет рассказом про Остряка.

— Чем могу, — кивнул Гуров. С Крячко можно было быть уверенным, что поездка пройдет с оптимизмом и легко.

— Нет проблем! — легко согласился Орлов. Теперь у него была возможность спокойно отлежаться дома. — Сейте разумное, доброе, вечное! Растите смену, которая искоренит всех маньяков.

Он поднял кружку с чаем, как бокал.

— Ничего себе «доброе»! — хмыкнул Гуров.

— Но, увы, вечное. Без работы не останемся, — вздохнул Крячко.

Орлов доел лимонник и, открыв второй из привезенных полковником контейнеров, где лежал восхитительный песочный тарт с нежным сливочно-лимонным муссом, хлопнул в ладоши:

— Разумный подход!

* * *

Выйдя на перроне, Гуров не узнал Саратов. Пожелтевшая листва конца октября, в котором он расследовал дело серийного убийцы Остряка, сменилась зеленью скверов,

цветом каштанов и сирени во двориках, помятых розничной торговлей и общепитом купеческих особнячков на улице Московская, по которой машина встретившего их на вокзале следователя по особо важным делам Ильи Юдина приближалась к мосту.

Под его изогнутым каменным хребтом лежала бескрайним голубым шелком Волга с золотыми блестками ромбиков мелких, поднятых легким ветерком волн. И пока Крячко, извернувшись, делал фото для всегда скучавшей по нему в разлуке Натальи, Гуров наблюдал за возбужденно говорившим Юдиным:

— Я к вам еле вырвался! Если честно, вы меня просто спасли!

— Неужто Бравдин продыху не дает?

Начальник Юдина — руководитель отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Виктор Павлович Бравдин — вызывал у Гурова очевидную коллегам иронию и скрытую от них горечь. Дело в том, что в комплексе к карьеризму, тщеславию и чиновничеству Бравдина шли, к сожалению, редкие качества выдающегося сыщика. Виктор Павлович был очень смелым, опытным, проницательным, умеющим признавать поражение, преданным делу следователем, который изнывал от необходимости лавировать между начальством, спокойствием вверенного ему проклятого Грибоедовым города и истиной. В результате вопреки чутью он с упорством капризного ребенка отстаивал наиболее социально приемлемую версию преступления и назначал злодеем первого попавшегося безобидного бедолагу, у которого находился личный мотив. Страх напугать горожан и не потревожить тех, кто наверху, мучил Бравдина, как орел Прометея, днем и ночью, а кандалами, которые приковывали его к месту пыток, был без конца трезволивший сотовый телефон.

— Его можно понять! Телефон не смолкает, — вытер пот со лба Юдин. — И орет благим матом в исполнении то губернатора, то мэра, то министра МВД, то всего начальства пониже и их заместителей.

— Из-за чего весь сыр-бор? — насторожился Гуров.